

ВОКРУГ БОЛЬШОГО
В МИРЕ

В ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЕ В МАЕ УСПЕШНО ПРОШЛИ ГАСТРОЛИ БАЛЕТА САН-ФРАНЦИСКО. ОН БЫЛ ОСНОВАН В 1933 ГОДУ И СТАЛ ПЕРВОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ТРУППОЙ В АМЕРИКЕ. ПОСЛЕДНИЕ ШЕСТНАДЦАТЬ ЛЕТ ЕГО ВОЗГЛАВЛЯЕТ ХЕЛГИ ТОМАССОН – В ПРОШЛОМ ЗНАМЕНИТЫЙ СОЛИСТ NEW YORK CITY BALLET. БЛАГОДАРИ ТВОРЧЕСКИМ УСИЛИЯМ ТОМАССОНА БАЛЕТ САН-ФРАНЦИСКО СТАЛ ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ В США И ОБРЕЛ ВЫСОКУЮ МЕЖДУНАРОДНУЮ РЕПУТАЦИЮ. СЕГОДНЯ В ТРУППЕ СЕМЬДЕСЯТ АРТИСТОВ, СРЕДИ СОЛИСТОВ – БАЛЕРИНЫ И ТАНЦОВЩИКИ ИЗ РАЗНЫХ СТРАН МИРА. ОДИН ИЗ ВЕДУЩИХ АРТИСТОВ МОСКВИЧ ЮРИЙ ПОСОХОВ НЕ ТОЛЬКО ИСПОЛНЯЕТ ГЛАВНЫЕ ПАРТИИ РЕПЕТРУАРА, НО И УСПЕШНО ОСУЩЕСТВЛЯЕТ СВОИ ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЫСЛЫ. НАКАНУНЕ ПАРИЖСКИХ ГАСТРОЛЕЙ ОН ДАЛ ИНТЕРВЬЮ ДЛЯ ГАЗЕТЫ «БОЛЬШОЙ ТЕАТР».

Большой театр –
2001. – сент. (№5). – с. 17

ЮРИЙ ПОСОХОВ:
НИ ОДИН ТЕАТР АМЕРИКИ НЕ ДЕЛАЕТ
СТОЛЬКО ПРЕМЬЕР, КАК БАЛЕТ САН-ФРАНЦИСКО

Фото David Martinez

Юань Юань Тэн и Юрий Посохов. «Отелло»

– Как складывалась ваша артистическая карьера?

– В 1982 году я окончил Московское хореографическое училище по классу Петра Пестова, выпустившего плеяду замечательных артистов. Начал танцевать в кордебалете Большого театра и постепенно выдвигался на сольные партии. Мне повезло встретиться с выдающейся балериной Людмилой Семенякой. Она помогла мне подняться на высокий уровень, и я очень ей благодарен за это. В 1992 году по многим причинам я решил, что мне надо покинуть театр. Мне предложили контракт в Датском Королевском балете, и я протанцевал там два года. В этой труппе меня увидел Хелги Томассон и пригласил поработать в США, что мне показалось интересным предложением. Эта встреча оказалась переломным моментом моего творческого пути. Я не думал, что останусь в Америке на долгое время, потому что я человек европейского склада. Проработав здесь семь лет, могу сказать, что сейчас чувствую себя здесь уверенно и нашел много возможностей для своего творческого роста. В Америке я ощущаю современное дыхание жизни, более открытое и независимое.

– Американский балет совсем иной, чем европейский. Как адаптируется к нему ваша русская манера танца?

– Не моя манера, а я сам адаптируюсь к американскому понятию танца. В этом есть и большой плюс, так как всевозможные сочетания приводят к наилучшим результатам. Я адаптируюсь, но в то же время не могу себя полностью оторвать от моей русской школы. Мне приходится проявлять свое российское начало как бы в сотрудничестве с американскими возможностями. И это, на мой взгляд, повлияло в лучшую сторону на меня и, надеюсь, на труппу тоже.

– Каковы приоритеты и особенности Балета Сан-Франциско?

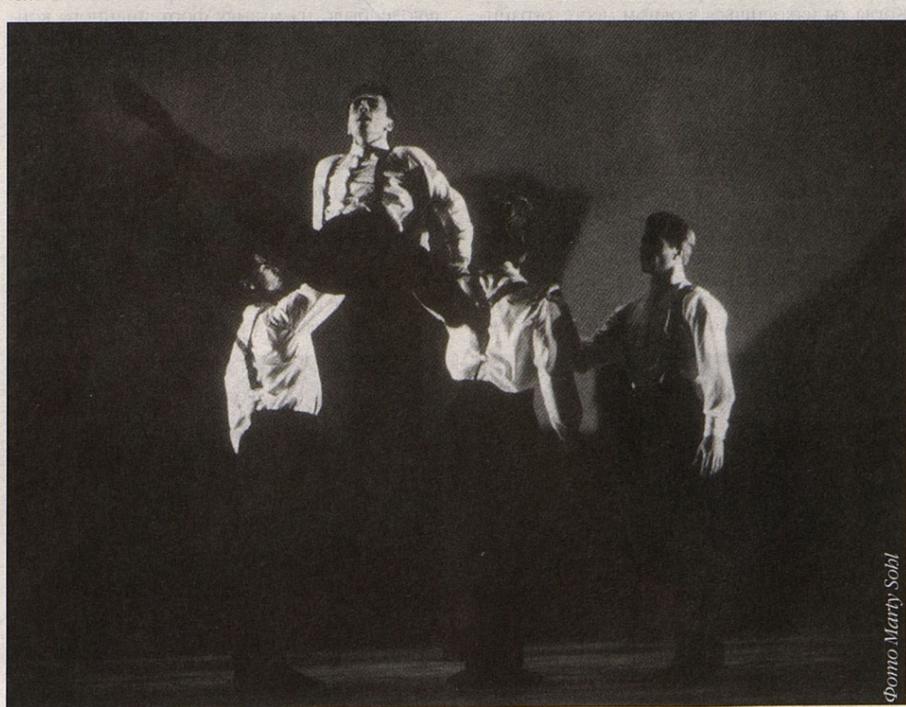
– Труппа хороша и уникальна своей интернациональностью. У нас есть французы, русские, украинцы, канадцы, китайцы, испанцы, кубинцы, латино-американцы. Это творческий конгломерат с многочисленными национальными гранями и фантастическими возможностями. В то же время это самый европейский балет в Америке. Наш репертуар хорошо сбалансиро-

ван: в нем есть как американская, так и европейская хореография. Томассон – исландец, поэтому он тянется к Европе. Это видно по его выбору репертуара. У нас очень много балетов европейских хореографов – помимо классики, есть постановки Аштона и Тюдора, Пети и Ван Манена, Дуато и Форсайта. В прошлом году появились третьи акты из «Раймонды» и «Баядерки», соответственно, в редакции Рудольфа Нуреева и Натальи Макаровой. Низкий поклон и глубокая благодарность этой уникальной балерине, которая как никто иной работала с труппой. Мы танцуем также балеты выдающихся американских хореографов – Баланчина, Роббинса, Морриса и многих других. Труппа также замечательна тем, что здесь постоянно создают новые балеты. Ни один театр Америки не делает столько премьер как Балет Сан-Франциско. Эта репертуарная политика находит энтузиазм как в труппе, так и среди публики, которая всегда с огромным интересом ждет новых программ. Наш театр очень творческий и динамичный. Он живет сегодняшним.

– Помимо признанных хореографов, Томассон поощряет постановки даже своих артистов. С чем связана такая творческая открытость?

– Это тоже одна из важных особенностей труппы. Будучи танцовщиком, Томассон при поддержке Роббинса начал создавать хореографию и теперь уже поставил тридцать балетов. Этот опыт вдохновил его на замечательный проект: в прошлом сезоне у нас появилась программа «Открытия». Ее составили шесть хореографических премьер – среди них четыре балета поставили артисты труппы, в том числе и я. В каком еще театре, даже европейском, может быть реализована такая смелая идея? Где руководитель труппы даст сразу четырем своим артистам сделать новую программу? Мы ее показывали целую неделю, и каждый вечер зал был полон. Это был интересный эксперимент, и он удался. Реклама, публика, рецензии – все крутилось вокруг этого, была бурная жизнь. Из программы «Открытия» Томассон решил оставить в репертуаре труппы три балета, включая и мой.

– Как возникла идея его постановки?

«Магриттомания»

– При общении с друзьями. У меня дружеские отношения с семьей Нины Ананиашвили. Как-то зашел разговор о художниках и вспомнился Магритт. Почему-то мысль об этом художнике стала меня преследовать: поехал в Данию, попал на его выставку; приехал в Москву, вновь увидел его экспозицию, вернулся в Сан-Франциско, здесь тоже была его выставка. Я понял, что это судьба, поэтому решил поставить балет под названием «Магриттомания». Я заказал музыку, но композитор не успевал ее написать, поэтому взял то, что мне было хорошо знакомо. В России я снялся в одном художественном фильме, для которого композитор Юрий Красавин из Петербурга написал оригинальную музыку, а также сделал аранжировку сочинений Бетховена. Вообще мне хотелось для балета взять Бетховена, поэтому я воспользовался музыкой из того фильма. Аранжировка Бетховена соответствовала моим замыслам и оказалась созвучной с Магриттом. Балет исполняют тринадцать артистов. Томассон решил его показать на гастролях в Лондоне, которые состоятся после Парижа.

– Для нового сезона Томассон вас попросил поставить новый балет. Каким он будет?

– Это будет греческая трагедия. Я тяготею к сюжетному балету, которого в Америке не так много. Не думаю, что в моей «Магриттомании» была большая драматургия, но как-то театральность присутствовала. Сейчас хочу поставить трагедию и уже выбрал музыку Равеля.

– Какой репертуар вы танцуете? Чему отдаете предпочтение?

– Танцую партии классического репертуара – «Жизель», «Лебединое озеро», «Спящую красавицу», «Ромео и Джульетту», а также много современной хореографии. Она сейчас стала самой важной в моем творчестве. Наверное, это связано с возрастом, мне уже тридцать семь. Современный репертуар более индивидуальный. Он предполагает совершенно разную экспрессию, темпы, характер. В нем все разное и больше возможностей для самовыражения, оно более интимное. Со зрелостью каждый человек приходит к этому. И в нем я нахожу то, чего мне не хватает в классическом балете.

– Есть ли сегодня самовыражение в танце?

– Духовность – удел избранных. Это начало таланта. Я очень редко ее вижу у кого-либо даже в классике. Классический репертуар очень ограничен: балеты можно по пальцам пересчитать, и все труппы мира их танцуют. Вы никогда не станете лучше, чем кто-либо другой. Придет танцовщик, который это исполнит лучше вас, скажем, через полвека. Современный балет – это хореография сегодняшнего дня, и вы в ней сможете себя выразить гораздо глубже. Например, замечательные артисты Екатерина Максимова и Владимир Васильев перетанцевали много балетов, но они навсегда останутся в истории и нашей памяти как лучшие исполнители того репертуара, который специально на них был поставлен. Современный репертуар важен как раз тем, что он раскрывает именно сегодняшнего конкретного человека. А классика – это образец, через который должны пройти многие. Кто-то танцует лучше, кто-то хуже, но это не полное выражение личности. Выражение личности состоит в создании того, что до тебя не существовало.

– Какой вы видите классику в будущем?

– Классику всегда будут танцевать. Как старые книги, она будет нужна вечно: на ней надо учиться и воспитывать, прививать вкус и т.д. Это необходимое начало всех начал. С течением времени меняется эстетика, и в соответствии с ней будут переделываться старые спектакли. Даже в таких академических театрах как Большой и Мариинский, где классику представляют непрерывно, разное поколение артистов ее танцует по-разному. Через двадцать лет придет следующее поколение и прежний спектакль уже не узнает. Его танцуют эстетически по-другому, и тебе это порой не нравится. Но в этом диалектика жизни. Балет родился как театральное зрелище: король Франции Людовик XIV устраивал пышные танцевальные феерии. Это было представление. И если говорить о будущем классического балета, то, на мой взгляд, оно будет прогрессировать в театральности. Предугадать не могу, но я хочу, чтобы он так развивался. Театральное начало всегда должно присутствовать в классических балетах. Это мое большое желание.

– Какие сегодня у вас ожидания?

– Жду гастролей нашей труппы в Парижской Опере, где надеюсь станцевать «Отелло». Я танцевал премьеру балета «Отелло» в Сан-Франциско в 1998 году. Хореограф Лар Любович создал трехактный спектакль – это современная хореография, впечатляющие декорации и великолепная музыка. Чем больше в нее вникаешь, тем больше ощущаешь ее огромную красоту. Авторы сценографии и музыки – Георгий Цыпин и Эллиот Б.Голденваль, соответственно.

– Каким будет наступающий сезон Балета Сан-Франциско?

– После гастролей в Париже, Лондоне и Мадриде начнется подготовка нового репертуара. В сентябре-ноябре мы будем работать над новым спектаклем и возобновлением старых. Весь декабрь танцуем «Щелкунчика», а в январе-мае показываем восемь программ, в которых будет «Жизель», «Отелло», отдельные программы хореографии Баланчина и Роббинса, ряд современных балетов, в том числе, надеюсь, состоится премьера моей постановки. Я одержим этой идеей. Был бы рад, если мой балет увидят в России.

Беседовал ВИКТОР ИГНАТОВ
Сан-Франциско–Париж

Лосохаб Юриши

09.07